

На правах рукописи

КУЩ ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА

**ВИЗАНТИЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВВ.:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2013

Работа выполнена на кафедре истории Древнего мира и Средних веков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина»

Научный консультант – доктор исторических наук, профессор
Маргарита Адольфовна Поляковская

Официальные оппоненты:

Бибиков Михаил Вадимович, доктор исторических наук, профессор, ФГБУН Институт всеобщей истории Российской академии наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом истории Византии и Восточной Европы

Еманов Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», заведующий кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков

Медведев Игорь Павлович, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела всеобщей истории

Ведущая организация – **ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»**

Защита состоится в «___» _____ 2013 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д **212.285.16** на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л. Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Для выявления характерных черт византийской цивилизации в ее типологическом сравнении с западноевропейской моделью общества, принципиально важным представляется осмысление особенностей функционирования отдельных социальных групп и их места в политическом, социальном и культурном пространстве Византии. В этом отношении исследование среды интеллектуалов, являвших собой весьма влиятельное сообщество внутри византийского социума, позволило бы выявить особенности взаимодействия между обществом и его образованной элитой, результатом которого стал уникальный опыт интеллектуализации власти в Византийской империи. Изучение диалога власти и интеллектуалов в конкретно-историческом контексте открывает возможность понимания роли образованной элиты в обществе безотносительно хронологической и пространственно-географической привязки, что составляет одну из актуальнейших проблем для современных социальных и гуманитарных наук.

Актуальность темы диссертации заключается также в том, что изучение статуса и моделей поведения интеллектуалов в условиях переживавшей кризис Византийской империи даст возможность проведения компаративных исследований социальных практик элитарных групп в кризисных обществах различных эпох и регионов. Характер изменений внутренней структуры элитарной группы под воздействием кризисных явлений общественной жизни, особенности поведения такой группы в стрессовой ситуации, восприятие ее представителями происходящих перемен и способы адаптации к ним служат индикаторами состояния общества, определяют способность или неспособность социума устоять перед кризисом и преодолеть его. Изучение социально-психологических реакций и моделей поведения элит в экстремальных условиях переходных периодов принадлежит к числу наиболее актуальных задач общественных наук в наши дни.

Кроме того, анализ соображений и оценок, высказанных византийскими интеллектуалами относительно положения дел в их отечестве и его дальнейших перспектив, их мнений о возможности выхода из кризиса и представлений о своих союзниках и противниках должен пролить дополнительный свет на активно обсуждаемую в последние годы, но так и не решенную до конца проблему причин гибели Византийской империи.

Объектом исследования являются византийские интеллектуалы, составляющие устойчивое сообщество – интеллектуальную среду. **Предмет исследования** – социокультурные трансформации мира поздневизантийских интеллектуалов под воздействием тех перемен, которые переживала Византийская империя в последнее столетие своей истории.

Хронологические рамки диссертации охватывают последнюю треть XIV – первую половину XV вв. В качестве нижней хронологической границы взят 1371 г., когда после битвы на р. Марице Византия признала вассальную зависимость от османов. Новый статус некогда великой империи входил в

противоречие с ее государственной политической концепцией и культурной идентичностью ее жителей, на что особенно остро реагировала интеллектуальная среда. Впрочем, 1371 г. является условной гранью, ибо поиск истоков ряда процессов и явлений, характерных для интеллектуальной среды интересующего нас времени, вынуждает порою делать экскурсы на несколько десятилетий, а то и столетий назад. Верхний хронологический рубеж диссертации - 1453 г., год гибели Византии. Однако, поскольку деятельность византийских интеллектуалов продолжалась и после падения империи, в некоторых случаях исследование доходит практически до самого конца XV в.

Географические рамки исследования. Несмотря на то, что собственно территория Византии в этот период была незначительна, мы понимаем под «византийским миром» так же те регионы, которые все еще находились в ее культурном ареале и где по-прежнему были живы ее традиции, то есть пространство, включающее в себя и венецианский Крит, и Кипр, и Крым, и Трапезунд. В наше поле зрения попадает также итальянский регион - основное прибежище греческих ученых-эмигрантов в XV в.

Цель диссертации – исследование поздневизантийской интеллектуальной среды как социокультурного феномена путем анализа ее структурообразующих компонентов, особенностей ее функционирования и влияния на культурную реальность Византии последней трети XIV – первой половины XV вв. Изучение интеллектуальной жизни Византии на фоне глубокого всеобщего кризиса необходимо для раскрытия специфики византийской цивилизации, а также для выявления способов трансляции греческого наследия и характера его воздействия на европейскую культуру.

Задачи исследования. Для достижения указанной цели предполагается решить следующие конкретно-исторические задачи:

- установить путем просопографического анализа круг лиц, входивших в состав интеллектуальной среды;
- выявить демографические и социальные характеристики интеллектуального сообщества;
- определить место интеллектуалов в структурах власти и императорском окружении;
- проследить динамику и характер перемен внутри данной социальной группы в условиях нарастающего кризиса империи;
- рассмотреть характер внутренних связей и форм интеллектуального диалога как способов консолидации интеллектуальной среды и проявления корпоративного стиля жизни;
- определить роль античного компонента в культуре интеллектуального общения и степень влияния классической традиции на интеллектуальную жизнь поздней Византии;
- рассмотреть гуманистические аспекты литературного творчества интеллектуалов путем анализа конкретных риторических образов и способов их употребления, изучения стиля общения и правил этикета, выявив тем самым специфику поздневизантийского гуманизма;

- исследовать восприятие и оценку интеллектуалами основных внутри- и внешнеполитических проблем империи последней трети XIV – первой половины XV вв., установив особенности осмысления писателями современной им реальности и прогнозирования ими будущего;
- исследовать образы «Других» – турок и латинян – существовавшие в представлениях поздневизантийских интеллектуалов и определявшие их мировоззренческую позицию в условиях межкультурного выбора;
- изучить роль интеллектуалов в налаживании и развитии кросс-культурного диалога Византии с Западом.

Источниковую базу исследования составляют письменные источники. Первую по значимости их группу образуют нарративные тексты.

В исследовании мы опираемся преимущественно на *риторические сочинения* византийских интеллектуалов. В работе использованы письма, диалоги, трактаты, речи (энкомии, монодии), экфрасисы (описания), синкрисисы (сравнения).

Среди огромного количества поздневизантийских писем следует особо выделить корреспонденцию Димитрия Кидониса¹, крупного политика и ученого XIV в. Она насчитывает около 450 посланий – это одно из крупнейших византийских эпистолярных собраний. Высокая степень осведомленности автора, широта поднимаемых им вопросов и затрагиваемых тем, образцовое владение риторическими приемами и глубокое осмысление происходившего позволяют исследователю корреспонденции Кидониса получить информацию по самому широкому спектру вопросов политической и культурной жизни империи.

Важные сведения по истории поздневизантийского времени содержит также эпистолярное наследие Мануила II Палеолога², одного из наиболее образованных византийских императоров. Из всей его обширной корреспонденции до нас дошло лишь 68 частных писем. Тем не менее, именно корреспонденция Мануила II Палеолога имеет непреходящее значение не только для реконструкции интеллектуального окружения императора или изучения его оценок политических и культурных событий, но и для характеристики такого уникального явления византийской истории, как «философ на троне».

Кроме того в работе широко использованы греческие письма и других поздневизантийских интеллектуалов: Мануила Калеки³, Иоанна Хортасмена⁴, Виссариона⁵, Исидора Киевского⁶, Андроника Каллиста⁷, Иоанна Евгеника⁸, Геннадия Схолария⁹, Михаила Апостола¹⁰ и другие.

¹ Démétrius Cydonès. Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956–1960. 2 vols.; Demetrios Kydones. Briefe / übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981–2001. T. 1–4.

² The letters of Manuel II Palaeologus / ed. G. Dennis. Washington, 1977.

³ Correspondance de Manuel Calekas / publ. R. Loenertz. Vaticano, 1950.

⁴ Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften / publ. H. Hunger. Wien, 1969.

⁵ Aus Bessarions Gelehrtenkreis. Abhandlungen, Reden, Briefe von Bessarion, Theodoros Gazes, Michael Apostolis, Andronikos Kallistos, Georgios Trapezuntios, Niccolo Perotti, Niccolo Capranica / ed. L. Mohler. Paderborn, 1967.

Также мы обращались к письмам итальянских гуманистов в поисках сведений об интеллектуальных контактах образованных греков с их западными коллегами. Особо отметим греческие письма Франческо Филельфо¹¹, состоявшего в активной переписке с византийскими учеными, и корреспонденцию Гварино да Верона¹², ученика выдающегося византийского гуманиста Мануила Хрисолоры.

Принципиальное значение для реконструкции политических событий и изучения авторского восприятия ключевых проблем империи, имели риторические сочинения императора-философа Мануила II Палеолога. Его «Нравственный диалог, или О браке» (Διάλογος ἠθικὸς ἢ περὶ γάμου)¹³ рассматривает наряду с этическими вопросами проблемы императорской власти в условиях политического кризиса последней трети XIV в. В настоящей диссертации этот источник впервые в историографии был подвергнут комплексному и всестороннему анализу. На его материале исследованы особенности внутридинастической борьбы последней трети XIV в., характер императорской власти и оценка взаимоотношений правителя и его подданных.

Использована также в качестве источника монодия Мануила II Палеолога на смерть брата, деспота Мистры Феодора, под названием «Надгробная речь» (Λόγος ἐπιτάφιος)¹⁴, которая не только рисует образ идеального правителя и восполняет лакуны в сведениях по истории рубежа XIV–XV вв., но и раскрывает характер византийско-турецких связей и отношение автора к османской угрозе. Вопросы, связанные с восприятием ислама и с перспективами межконфессионального общения, нашли отражение и в «Диалоге с мусульманином»¹⁵, написанном тоже Мануилом II.

Для исследования отношения образованных греков к туркам и для изучения проблемы межконфессионального диалога привлечены, наряду с сочинениями Мануила II Палеолога, труды Симеона Фессалоникийского и Георгия Трапезундского. «Увещевание к фессалоникийцам» (Συμβουλευτικὸς πρὸς τοὺς Θεσσαλονίκεις)¹⁶ вышло из под пера Мануила II во время первой

⁶ Isidore of Monemvasia (and Kiev). Letters / ed. W. Regel // *Analecta Byzantino-Russica*. Petrograd, 1891; Ziegler A. W. Die restlichen vier unveröffentlichten Briefe Isidors von Kijev // *OCP*. 1952. Bd. 18. S. 135–146; Ziegler A. W. Vier bisher nicht veröffentlichte griechische Briefe Isidors von Kijev // *BZ*. 1951. Bd. 44. S. 570–577.

⁷ Powell J. Two letters of Andronicus Callistus to Demetrius Chalcocondyles // *BNJ*. 1938. Vol. 15. P. 14–20.

⁸ Λαμπρος Σ., *Παλαιολογία καὶ Πελοποννησιακὰ*. Αθήνα, 1912–1923. Τ. 1. Σ. 154–210; 315–322.

⁹ Ibid. 1912–1924. Τ. 2. Σ. 182–319.

¹⁰ *Lettres inédites de Michel Apostolis* / ed. H. Noiret. P., 1899.

¹¹ *Lettres grecques de Francois Filelfe* / ed. E. Legrand. P., 1892.

¹² *Epistolario di Guarino Veronese* / ed. R. Sabbadini. Venezia, 1915, 1916, 1919. 3 Vols.

¹³ Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-mother on Marriage / introd., text and transl. by A. Angelou. Wien, 1991.

¹⁴ Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on his brother Theodore / ed. and tr. J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985.

¹⁵ Trapp E. Manuel II. Palaiologos. Dialog emit einem «Perser». Wien, 1966; Manuel Palaiologos. Dialoge emit einem Muslim / Kommentierte griechisch-deutsche Textausgabe von K. Förstel. Würzburg, 1993–1995. Bd. 1–3; Kaiser Manuel II. Palaiologos. Dialog über den Islam und Erziehungsratschläge / ed. W. Baum, tr. R. Senoner. Vienne, 2003.

¹⁶ Ὁ «Συμβουλευτικὸς πρὸς τοὺς Θεσσαλονίκεις» τοῦ Μανουὴλ Παλαιολόγου / ed. B. Lourdas // *Μακεδονικά*. 1955. Vol. 3. P. 300.20–32.

осады турками Фессалоники (1383–1387), а Слово митрополита Симеона о чудесах св. Димитрия (Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἄθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα)¹⁷ - во время второй осады того же города (1422–1430). Труд Георгия Трапезундского «Об истинности христианской веры» (Περὶ τῆς ἀληθείας τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως)¹⁸ написан уже после падения Константинополя. Обращение к этим разновременным источникам позволяет проследить динамику развития византийско-турецких контактов и характер изменений в восприятии турок византийцами.

Значительный интерес для исследователя представляют риторические трактаты и речи, в которых нашли отражение социальные воззрения и идейно-политические идеалы той эпохи. Трактат Мануила Хрисолоры «Слово по поводу письма, содержащего Речь императора» (Λόγος κατ' ἐπιστολὴν περὶ τοῦ βασιλέως λόγου)¹⁹ включает пространные рассуждения интеллектуала об изменениях, необходимых, по его мнению, государству. Схожие размышления мы находим и в трактате Георгия Гемиста Плифона²⁰.

Среди риторических сочинений, использованных в диссертации, следует назвать произведения в жанрах экфрасиса и синкрисиса – весьма распространенных в византийской литературе. Для анализа системы литературных образов, применявшихся византийскими интеллектуалами, и гуманистических черт их литературного творчества незаменимо «Сравнение Древнего и Нового Рима» (Σύγκρισις τῆς Παλαιᾶς καὶ Νέας Ῥώμης), составленное Мануилом Хрисолорой²¹. Этот источник ранее не подвергался подробному анализу. Кроме того, для изучения образного ряда поздневизантийской риторики и характеристики эстетических предпочтений интеллектуалов привлечены экфрасисы городов, составленные Димитрием Кидонисом²², Виссарионом²³, Иоанном Евгеником²⁴, а также описание весны Мануилом II²⁵. Анализ подобного рода источников позволяет понять принципы творческого освоения византийскими авторами античного наследия.

---

¹⁷ Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἄθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα // Balfour D. Politico-historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien, 1979. P. 39–69.

¹⁸ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / пер. с древнегреч. К.И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д.А. Поспелова. Самарканд, 2009.

¹⁹ Μανουὴλ Χρυσολογᾶ. Λόγος πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μανουὴλ Β' Παλαιολόγο / Εἰσαγωγὴ καὶ ἔκδοσις Χ. Γ. Πατρινέλι καὶ Δ. Ζ. Σοφίανου. Αθήνα, 2001.

²⁰ Alexandre C. Plethon, Traite des Lois, ou Recueil des Fragments. P., 1858; Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах / пер. и пред. Б. Т. Горянова // ВВ. 1953. Т. 6. С. 386–412.

²¹ Manuelis Chrysolorae Epistolae / PG. Vol. 156. Col. 24–53; Медведев И.П. Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 317–334.

²² Demetrii Cydonii occisorum Thessalonicae monodia / PG. Vol. 109. Col. 639–652.

²³ Λαμψίδες Ό. Ό "εἰς Τραπεζοῦντα" Λόγος τοῦ Βησσαρίωνος / Αρχεῖον Πόντου. 1984. Τ. 39. Σ. 20–72.

²⁴ Λαμψίδες Ό. Ιωάννου Εὐγενικοῦ ἔκφρασις Τραπεζοῦντος. Χρονολόγησις καὶ ἔκδοσις // Αρχεῖον Πόντου. 1955. Τ. 20. Σ. 26–29; Ιωάννου τοῦ Εὐγενικοῦ Ἐγκωμιαστικὴ ἔκφρασις Κορίνθου / Λαμπρός Σ., Παλαιολόγια καὶ Πελοποννησιακά... Τ. 1. Σ. 47–48.

²⁵ Manuelis Palaeologi Imago veris in aulaeo textili, operis Phytigii // PG. 156. Col. 577–580.

В диссертации использованы также *исторические труды*. Сочинения Никифора Григоры²⁶ и Иоанна Кантакузина²⁷, хоть и выходят за хронологические рубежи нашего исследования, тоже привлечены для изучения процессов и явлений, истоки которых восходят к предшествующему времени. Отметим, что последняя треть XIV в. не оставила нам исторического сочинения, которое бы отразило эпоху столь же полно, как труды Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина. На вторую треть XV в., напротив, приходится деятельность целой плеяды историков, ставших свидетелями заката империи и описавших трагические события падения Византии. Использованные в диссертации труды Дуки²⁸, Лаоника Халкокондила²⁹ и Георгия Сфрандзи³⁰, хоть и захватывают порою события более раннего времени, все же повествуют преимущественно о турецком завоевании и последующих годах османского господства. Для воссоздания исторического фона и восполнения фактологических лакун привлечены так называемые Малые хроники (Βραχέα χρονικά)³¹, составленные по принципу погодных записей³².

Наряду с нарративными источниками по мере необходимости использовался актовый материал, представленный в форме регестов императорских хрисовулов и законодательных актов³³. Эти сведения были полезны в частности для исследования участия интеллектуалов в дипломатических миссиях и представительствах. Кроме того, источником для диссертации послужил церемониальный трактат XIV в. Псевдо-Кодина³⁴, содержащий сведения об иерархии чинов и позволяющий соотнести должности, которые занимали те или иные интеллектуалы, с действовавшей тогда «Табелью о рангах».

В качестве «вторичного» источника использован «Просопографический лексикон» – база данных палеологовской эпохи, собранная австрийскими византинистами³⁵, где содержатся биографические сведения об отдельных персоналиях, информация об этапах их карьеры, круге общения, контактах, родственных связях, переездах и т.д.

Историография. Судьбы отдельных византийских писателей и их творческое наследие всегда были в центре внимания исследователей. Однако изучение византийских интеллектуалов как отдельной группы долгое время не привлекало историков. Впервые попытка анализа интеллектуальной среды как специфического социокультурного явления была предпринята в докладе американского ученого И. Шевченко на XIV Международном конгрессе

²⁶ Nikephori Gregorae Historia Byzantina / ed. L. Schopen – E. Bekker. Bonn, 1829–1855. Vol. I–III.

²⁷ Joannis Cantacuzeni Historiarum libri IV / ed. L. Schopen – E. Bekker. Bonn, 1828–1832. Vol. I–III.

²⁸ Ducas. Historia turco-byzantina / ed. I. Bekker. Bonn, 1834; Ducas. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / ed. V. Grecu. Bucarest, 1958.

²⁹ Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes / rec. E. Darkó. I–II. Budapestini, 1922–1924; Laonici Chalcocondylae Atheniensis Historiarum libri decem / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1843.

³⁰ Георгий Сфрандзи. Хроника / пред., перев. и примеч. Е. А. Джагацпаян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 156–251; Georgios Sphrantzes. Memorii. 1401–1477 / ed. V. Grecu. Bucarest, 1966.

³¹ Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken (Chronica Byzantina Breviora). Wien, 1975. 3 vol.

³² Бибилов М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 250.

³³ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München, Berlin, 1965. Bd. 5.

³⁴ Pseudo-Kodines. Traite des offices / introd., texte et trad. J. Verpeaux. P., 1966.

³⁵ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1994. Fsz. 1–12.

византинистов в 1971 г.³⁶ Выступая с пленарным докладом, он нарисовал собирательный портрет поздневизантийской образованной элиты, обратившись к анализу базовых характеристик этой социальной группы. И. Шевченко не только призвал к исследованию этого социального феномена, но и наметил основные подходы к его изучению. Однако он не ставил перед собой задачи дать более полную демографическую, этническую, социальную характеристики, ограничившись в основном статистическими изысканиями и обобщающими замечаниями относительно «стиля жизни» византийских писателей. Кроме того, его наблюдения касались преимущественно XIV в.

После выхода в свет книги И. Шевченко «Общество и интеллектуальная жизнь в поздней Византии»³⁷, содержащей в частности бухарестский доклад, появилась блестящая рецензия на нее А. П. Каждана³⁸, который скорректировал отдельные выводы автора и развил некоторые из его тезисов относительно интеллектуальной элиты поздневизантийского общества. А. П. Каждан уточнил и расширил список тех, кого следует отнести к группе интеллектуалов, ввел некоторые новые параметры для изучения писательской среды XIV–XV вв.

В отечественной историографии тема интеллектуальной жизни палеологовского времени разрабатывалась И. П. Медведевым, автором книги «Византийский гуманизм XIV–XV вв.»³⁹. Он реконструировал «литературный быт» эпохи, проанализировав такие формы духовного общения, как литературные салоны и эпистолярные связи, а также исследовал деятельность выдающегося поздневизантийского гуманиста Георгия Гемиста Плифона и его интеллектуального кружка. Стил ь общения византийских интеллектуалов, не являясь целью специального изучения, был лишь контурно, на отдельных примерах, обозначен ученым, наметившем, однако, перспективу исследования этого вопроса на более широком источниковом материале.

Большое значение для понимания мира поздневизантийских интеллектуалов имели исследования 70–90-х гг. XX в., посвященные отдельным персоналиям, ряду частных проблем и относительно узких сюжетов данной тематики. В специальной литературе рассматривались проблемы византийской традиции воспитания и обучения (Ф. Тиннефельд⁴⁰, П. Шпек⁴¹, Р. Браунинг⁴²), отношения интеллектуалов к западной науке (Ф. Тиннефельд⁴³), гуманистические тенденции в интеллектуальной жизни

³⁶ Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIVth Century // XIV Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest, 1971. P. 7-30.

³⁷ Ševčenko I. Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981.

³⁸ Kazhdan A. The Fate of the Intellectual in Byzantium: A Propos of Society and Intellectual Life in Late Byzantium by I. Ševčenko (L.: Variorum Reprints, 1981) // GOThR. 1982. Vol. 27, №. 1. P. 83–97.

³⁹ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976; 2-е изд., с изм. и доп. СПб., 1997. Гл. 1: Интеллектуальная жизнь Византии XIV–XV вв.

⁴⁰ Tinnefeld F. Von Tradition und Wandel humanistischer Erziehung in Byzanz / Gymnasium. 1989. Bd. 96. Hf. 5. S. 429-443.

⁴¹ Speck P. Die kaiserlich Universität von Konstantinople. München, 1972.

⁴² Browning R. Byzantine Scholarship // Idem. Studies on Byzantine History, Literature and Education. L., 1977. P. 3-20.

⁴³ Tinnefeld F. Das Niveau der Abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter Byzantiner im 13. und 14. Jahrhundert // BF. 1979. Bd. 6. S. 241-280.

(Г. Хунгер⁴⁴), представления о дружбе в образованных кругах (Ф. Тиннефельд⁴⁵), формы интеллектуального общения (И. П. Медведев⁴⁶, К.-П. Мачке⁴⁷), взаимоотношения интеллектуалов и власти (М. А. Поляковская⁴⁸), а также другие вопросы, пополняя все новыми штрихами собирательный образ византийского ученого сообщества. Историки создали также целую галерею портретов деятелей культуры поздневизантийского времени⁴⁹. В исследованиях отечественных и зарубежных византистов, посвященных конкретным представителям ученого мира, акцент делался не только на характеристике их литературного наследия, но и на воссоздании духовно-эмоциональной атмосферы эпохи через призму оценки взглядов и воззрений византийских интеллектуалов (Х.-Г. Бек⁵⁰, Ф. Тиннефельд⁵¹, М. А. Поляковская⁵²).

Особое внимание исследователей, обращавшихся к изучению Византии XV в., традиционно привлекала судьба ее писателей накануне и после гибели империи. Вызванная трагическими событиями эмиграция стимулировала сближение византийской и западноевропейской культурных традиций. Теме взаимодействия византийского и итальянского гуманизма была посвящена серия работ Д. И. Джеанакоплоса⁵³, а также труды Г. М. Хартмана⁵⁴, П. О. Кристеллера⁵⁵, И. Монфазани⁵⁶, Н. Г. Вилсона⁵⁷. Проблема «исхода» византийских интеллектуалов была обозначена и в исследованиях И. П. Медведева, однако вопрос смещения культурных центров на периферию рассматривался им преимущественно на примере Георгия Гемиста Плифона⁵⁸.

⁴⁴ Hunger H. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts // XIV Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest, 1971. S. 83-95.

⁴⁵ Tinnefeld F. Freundschaft und παιδεία: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos // Byz. 1985. T. 55. Fasc.1. S. 210-244.

⁴⁶ Медведев И. П. Литературные «салоны» в поздней Византии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 53-59.

⁴⁷ Matschke K.-P. Die spätbyzantinische Öffentlichkeit // Mentalität und Gesellschaft im Mittelalter. Beitrag zur Mentalitätsgeschichte. Gedenken für E. Werner / ed. S. Tanz. Frankfurt a/M, 1993. Bd. 2. S. 155-223.

⁴⁸ Чекалова А. А., Поляковская М. А. Интеллектуалы и власть в Византии // ВО. 1996. С. 5-24.

⁴⁹ Например, см.: Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992; 2 изд. СПб, 1998.

⁵⁰ Beck H.-G. Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wege zu seinem Verständnis // Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft. Philosophische-historische Klasse. Sitzungsberichte. Wien, 1974. Bd. 294. Abh. 4. S. 5-16.

⁵¹ Tinnefeld F. Georgios Philosophos. Ein Korrespondent und Freund des Demetrios Kydones // OCP. 1972. Bd. 38. H. 1. S. 141-171.

⁵² Поляковская М.А. К характеристике средневекового ученого (значение научной дискуссии в понимании Димитрия Кидониса) // АДСВ. 1983. Вып. 20. С. 40-51; Она же. К характеристике византийской образованности: учителя и ученики // АДСВ. 1987. Вып. 23. С. 111-120.

⁵³ Geanakoplos D.J. Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330-1600). New-Haven; L., 1976; Idem. Constantinople and the West. Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Wisconsin, 1989.

⁵⁴ Hartmann G. M. Die Bedeutung des Griechentums für die Entwicklung des italienischen Humanismus // Probleme der neugriechischen Literatur. Berlin, 1960. Bd. 2. S. 3-36.

⁵⁵ Kristeller P.O. Humanismus und Renaissance. Die antiken und mittelalterlichen Quellen. München, 1973. Bd. 1.

⁵⁶ Monfasani J. Byzantine Scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and other Émigrés. Variorum Reprints. L., 1995.

⁵⁷ Wilson N. G. From Byzantium to Italy. Greek Studies in the Italian Renaissance. Baltimore, 1992.

⁵⁸ Медведев И. П. Византийский гуманизм... С. 55.

Исследователю поздневизантийского периода неизбежно приходится иметь дело с проблемой межкультурных контактов. Происходившее в XIV–XV вв. столкновение разных культурных традиций и религий заставляет обращаться не только к истории развития политических, военных, религиозных и культурных отношений византийцев с соседями, но и к анализу восприятия греками тех народов, с которыми они соприкасались и взаимодействовали. В исследованиях Г. Диттена⁵⁹ и И. Кодера⁶⁰ затронуты вопросы не только терминологии, использовавшейся для обозначения латинян, но и проведен анализ идейно-политического содержания этнонимической лексики. Тема восприятия турок и отношения византийцев к исламскому миру в целом стала центральной в ряде исследований, проведенных М. Баливе⁶¹, С. Врионисом⁶², Дж. Деннисом⁶³, И. Мейендорфом⁶⁴, С. Райнертом⁶⁵. Эти исследования помогают понять истоки и характер стереотипов, существовавших в представлениях византийцев о других народах, и показывают механизмы их трансформации.

В последние годы мировая византистика заметно активизировала разработку проблем истории XIV–XV вв. в целом и интеллектуальной истории того времени в частности. О повышении интереса к этой эпохе свидетельствует тематика ряда прошедших конференций и научных мероприятий. В 2000 г. в рамках коллоквиума «Византия, Венеция и франко-греческий мир (XIII–XV вв.)», состоявшегося в Венеции, была поднята тема культурных и научных контактов Запада и Византии⁶⁶. В докладах Дж. Денниса⁶⁷, Т. Ганчу⁶⁸, Е. Маламут⁶⁹ были затронуты разные аспекты проблемы участия византийских интеллектуалов в налаживании диалога с латинским миром. В 2001 г. в Вашингтоне состоялся симпозиум по истории поздневизантийской Фессалоники, где особо была подчеркнута роль этого второго по значению

⁵⁹ Ditten H. Βάρβαροι, Ἕλληνες und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XIIe Congrès international d' études Byzantines. Beograd, 1964. T. 2. S. 273–299.

⁶⁰ Koder J. Latini – the Image of the other according to Greek sources // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII–XV secolo). Atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di R.-J. Loenertz, Venezia, 1–2 dicembre 2000 / ed. Ch. A. Maltezou, P. Schreiner. Venezia, 2002. P. 25–39.

⁶¹ Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994.

⁶² Vryonis S. Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages // GRBS. 1971. Vol. 12. P. 263–286; Vryonis S. The Byzantine Patriarchate and Turkish Islam // BS. 1996. T. 57. № 1 P. 69–111.

⁶³ Dennis G. T. Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A. Laiou and P. Mottahedeh. Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, 2001. P. 31–39.

⁶⁴ Meyendorff J. Byzantine Views of Islam // DOP. 1964. T. 18. P. 113–132.

⁶⁵ Reinert S. Manuel II Palaeologos and His Müderris / The Twilights of Byzantium. Aspects of Cultural and Religious History in the Late Byzantine Impire / ed. S. Ćutčić and D. Mouriki. Princeton; Neu Jersey, 1991. P. 39–51.

⁶⁶ Материалы коллоквиума опубликованы в: Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII–XV secolo). Atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di R.-J. Loenertz, Venezia, 1–2 dicembre 2000. Venezia, 2002.

⁶⁷ Dennis G.T. Demetrios Kydones and Venice // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco... P. 495–502.

⁶⁸ Ganchou Th. Dèmètrios Kydônès, les frères Chrysobergès et la Crète (1397–1401). De nouveaux documents // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco... P. 435–493.

⁶⁹ Malamut E. De 1299 à 1451 au cœur des ambassades byzantines // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco... P. 79–124.

города империи в культурной жизни той эпохи⁷⁰. Среди прозвучавших на научном форуме выступлений следует отметить доклады Дж. Баркера⁷¹, Дж. Денниса⁷² и Ф. Тиннефельда⁷³. На Международных конгрессах византистов в Париже (2001), Лондоне (2006) и Софии (2011) позднему периоду истории Византии также уделялось значительное внимание⁷⁴. В последние годы появился ряд оригинальных исследований о жизни и деятельности отдельных представителей интеллектуального мира (М.-Е. Бланше⁷⁵, Л. Торн-Викерт⁷⁶), рассмотрены прежде неизученные аспекты политической идеологии и роли интеллектуалов в политической практике (Д. Ангелов⁷⁷, Т. Киусопулу⁷⁸) и дипломатической сфере (С. Мергиали-Шас⁷⁹). В современной византистике изучение истории поздней Византии является одним из приоритетных направлений, переживающих настоящий ренессанс.

Растущий интерес к реалиям того времени был отчасти вызван публикацией сочинений поздневизантийских авторов, осуществленных в последние десятилетия на Западе (А. Ангелу⁸⁰, Н. Николудис⁸¹, Х. Патринелис⁸², Ф. Тиннефельд⁸³, Ю. Хрисостомидес⁸⁴). Издание новых источников и появление комментированных переводов открыли перед специалистами широкие перспективы в изучении мира интеллектуалов последнего периода византийской истории.

Среди недавних фундаментальных работ по данной тематике следует назвать монографию немецких ученых К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда «Общество в поздней Византии: группы, структуры и формы жизни»⁸⁵, вышедшую в свет в 2001 г. В ней особое место занимает раздел, посвященный группе литераторов (*die Literaten*). Авторы предприняли попытку дать четкую дефиницию понятия «литератор», опираясь на данные источников. Вы-

⁷⁰ Материалы симпозиума см.: DOP. 2003. Vol. 57.

⁷¹ Barker J.W. Late Byzantine Thessalonike: A Second City's Challenger and Responses // DOP. 2003. Vol. 57. P. 5-33.

⁷² Dennis G.T. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike // DOP. 2003. Vol. 57. P. 255-264.

⁷³ Tinnefeld F. Intellectuals in Late Byzantine Thessalonike // DOP. 2003. Vol. 57. P. 153-172.

⁷⁴ XXe Congrès international des études byzantines. P., 2001. 3 vols.; Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. L., 21-26 August, 2006. L., 2006. 3 vols.; Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies (Sofia, 22-27 August, 2011). Sofia, 2011. 3 vols.

⁷⁵ Blanchet M.-H. Georges Gennadios Scholarios (vers 1400 – vers 1472). Un intellectuel orthodoxe face à la disparition de l'empire byzantine. P., 2008.

⁷⁶ Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras (ca. 1350-1415). Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2006.

⁷⁷ Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204-1330. Cambridge, 2006.

⁷⁸ Kiousopoulou T. Emperor or Manager: Power and Political Ideology in Byzantium before 1453 / Trans. with a preface by P. Magdalino. Geneva, 2011.

⁷⁹ Mergiali-Shas S. A Byzantine Ambassador to the West and his Office during the Fourteenth and Fifteenth Centuries: a Profile // BZ. 2001. Bd. 94. Hf. 2. P. 588-604.

⁸⁰ Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-mother on Marriage / Ed. by A. Angelou. Vienna, 1991.

⁸¹ Laonikos Chalkokondyles: a translation and Commentary of the «Demonstration of History» (Book I-III) / Ed. N. Nikoloudis. Athens, 1996.

⁸² Μανουήλ Χρυσολωρᾶ Λόγος πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μανουήλ Β' Παλαιολόγο....

⁸³ Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981-2003. Bd. 1-4.

⁸⁴ Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on his Brother Theodore...

⁸⁵ Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001.

деляя центры духовной активности в Византии, отмечая открытость писательской среды к латинскому Западу, исследователи подтвердили многие наблюдения И. Шевченко относительно причин упадка культурной монополии Константинополя. Повышенное внимание авторы книги уделили вопросу социальной принадлежности византийских ученых, их социально-политическим функциям. Следуя за И. Шевченко, немецкие исследователи привели просопографический список литераторов, уточнив и расширив их круг. Однако данное исследование отнюдь не подвело черту изучению интеллектуальной среды, а, напротив, показало перспективность дальнейшей разработки этой темы.

В настоящей диссертации мы опирались также на такие классические работы, как труды К. Крумбаха⁸⁶, Г.-Г. Бека⁸⁷, Г. Хунгера⁸⁸. Для включения результатов нашего исследования в контекст социально-политической и культурной истории Византии был привлечен широкий пласт византиноведческой литературы, в том числе такие работы, посвященные поздневизантийской истории, как труды Дж. Баркера⁸⁹, А. А. Васильева⁹⁰, А. Вакалопулоса⁹¹, Э. Вернера⁹², Дж. Денниса⁹³, Д. Никола⁹⁴, Н. Неджипоглу⁹⁵, Г. Острогорского⁹⁶, коллективные монографии «Византийский мир»⁹⁷ и «Византийская дипломатия»⁹⁸.

Таким образом, анализ предшествующей историографии показывает, что, хотя историки, в той или иной степени обращавшиеся ранее к данной проблематике, и накопили уже достаточно большой фактологический материал, обобщающего исследования по теме интеллектуальной жизни поздней Византии до сих пор нет. Именно эту лакуну и призвана заполнить настоящая диссертация, направленная на комплексное изучение данного феномена с применением современных методологических стратегий.

Методология. Предмет интеллектуальной истории включает в себя не только историю достижений человеческого интеллекта, «но и историю самой деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их

---

⁸⁶ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zu Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897.

⁸⁷ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959; Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971.

⁸⁸ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur...

⁸⁹ Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey, 1969.

⁹⁰ Васильев А. А. Падение Византии. Л., 1925; Он же. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998.

⁹¹ Vacalopoulos A.E. Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick; New Jersey, 1970.

⁹² Werner E. Die Geburt einer Großmacht – die Osmanen (1300–1481). Weimar, 1985.

⁹³ Dennis G. T. The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Roma, 1960.

⁹⁴ Nicol D. The Last Centuries of Byzantium 1261–1453. Cambridge, 1993.

⁹⁵ Necipoğlu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009.

⁹⁶ Острогорский Г. История Византийского государства. М., 2011.

⁹⁷ Le monde byzantine. T. 3: Byzance et ses voisins 1204–1453 / dir. de A. Laiou et S. Morisson. P., 2011.

⁹⁸ Byzantine Diplomacy / ed. by J. Shepard and S. Franklin. Hampshire, 1992.

межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний»⁹⁹. В данном исследовании затрагивается один из сегментов широкого исследовательского поля интеллектуальной истории – история сообщества поздневизантийских интеллектуалов.

Для изучения интеллектуальной среды как целостного феномена наиболее оптимальным нам представляется рассмотрение ее в социокультурном измерении, что позволяет получить интегральное видение данного объекта исследования в различных аспектах его бытия. Под «измерением» мы понимаем здесь цивилизационно заданную систему координат, определяющую приоритеты, ценности и механизмы функционирования интеллектуальной сферы. Эта система находила воплощение в понимании интеллектуалами целей и содержания своей деятельности, в выборе ими путей самореализации, в доминировавших у них формах социальности, в специфике проявления интеллектуальной корпоративности.

Социокультурное измерение пронизывает всю интеллектуальную жизнь: оно представляет собой некую «осевую вертикаль», структурирующую всю систему отношений многомерного реального и воображаемого пространства жизни сообщества интеллектуалов. Оно охватывает все основные виды существовавших тогда интеллектуальных практик: 1) *духовную практику*, включавшую в себя, с одной стороны, опыт бытования характерных для византийского общества в целом и для среды интеллектуалов в частности устойчивых форм ментальности, с другой – все многообразие создававшихся интеллектуалами идеологических конструкций (ойкуменическая, латиняно-фильская, туркофильская) и социально значимых образов; 2) *предметно-преобразовательную деятельность* в форме различных проявлений социальной активности (служба императору, профессиональная деятельность и т.п.); 3) *институциональную практику* по совместной выработке и развитию характерных для данного сообщества форм социальности (дружеская корпорация, университет и т.п.).

Вместе с тем, необходимо учитывать, что социокультурное измерение изучаемого нами феномена по своей темпоральной протяженности выходит за хронологические рамки настоящего исследования, поскольку существовавшие в интересующий нас период социокультурные практики возникли не в одночасье, а во многом являлись продолжением и развитием ранее существовавших. Поэтому в данной работе особое внимание уделяется *ретроспективному анализу*, который позволяет на основании разноплановых и разновременных источников соотносить реалии исследуемого периода с ситуацией, имевшей место ранее, выявлять своеобразие изучаемого объекта по сравнению с другими эпохами истории, а также соотносить определенные исторические реалии с иными цивилизационными парадигмами.

---

⁹⁹ Репина Л.П. От истории идей к интеллектуальной истории // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и рефератов. РАН, ИНИОН. Центр социал. научно-инф. исследований отечественной и зарубежной истории. М., 2001. Ч. 2. С. 103.

Важное методологическое значение для настоящей работы имеет теория Э. Дюркгейма о коллективном сознании группы. Дюркгейм определяет общество, с одной стороны, как совокупность верований и идеалов, «ансамбль идей», субстрат коллективного сознания в широком смысле слова, с другой – как структурную систему социальных групп, каждая из которых имеет свое коллективное сознание, отличное от общественного сознания в целом и от индивидуального сознания входящих в нее лиц. Группа думает, чувствует, действует совершенно иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены. Соответственно для понимания особенностей функционирования сообщества поздневизантийских интеллектуалов нам необходимо было принимать во внимание особенности коллективного сознания данной социокультурной группы как единого целого.

Специфика использованных источников и особенности поставленных задач определили набор *методов и подходов*, примененных в данной диссертации. Основным методом исследования выступил *сравнительно-исторический (компаративный)* – наиболее распространенный, классический метод исторических исследований в отечественной и зарубежной науке. Он позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, отметить произошедшие изменения, определить основные тенденции развития. Компаративный метод предусматривает использование широкого спектра историко-типологических, историко-генетических и сравнительных методик, позволяющих проводить сравнительный анализ культурно-исторических процессов по различным направлениям: культурно-географическому, историко-философскому, эволюционному и проч.

Применение *системного подхода* к изучению социокультурной ситуации, сложившейся в Византии в последнее столетие ее истории, позволило реконструировать не только сферы бытования исследуемого объекта, но и вписать его в более широкий исторический контекст, не рассматривая каждое отдельное явление в отрыве от общей ситуации и сохраняя тем самым целостное видение эпохи.

При исследовании интеллектуальной среды как социокультурного явления незаменим *междисциплинарный подход*. Он предусматривает использование, наряду с историческим анализом, также культурологических, филологических, социологических и демографических методик. Задачи, поставленные в работе, настоятельно требовали синтетического использования принципов междисциплинарного исследования, позволявших выявить дополнительные аспекты изучаемой проблемы, добавить новые параметры при анализе поздневизантийской интеллектуальной среды. Кроме того, использование данного подхода продиктовано жанровыми особенностями привлекаемых источников. Методика интерпретации риторических сочинений требовала соединения литературоведческих, лингвистических и исторических приемов анализа.

Одним из важных методов, применяемых для изучения истории отдельных структурных единиц или социальных групп, является *просопогра-*

фический метод. Он основан на идее детерминирования личности ее ближайшим окружением (семьей, кланом, политической группой, корпоративной структурой) и позволяет проводить исследования социальной динамики в рамках отдельных групп и кланов. Просопографический метод, широко используемый в современной науке, дает богатый материал для наблюдений за социальными стратегиями как отдельных индивидов, так и целых социокультурных сообществ.

Ряд сюжетов, рассмотренных в диссертации, исследован с помощью методов микроистории. Микроисторический подход, как показали исследования К. Гинзбурга, Р. Дарнтон, Ю. Л. Бессмертного, М. А. Бойцова и др., позволяет в истории конкретного человека, в частном явлении или отдельном факте выявить отраженные в них глубинных ментальные установки общества, обнаружить культурно-историческое содержание, имманентно присущее данной эпохе и носителям данной культуры. Микроисторическое исследование имеет важное преимущество: скрупулезный анализ и реконструкция «жизни» человека или факта позволяет поместить объект исследования в «живое историческое поле».

Обращение к проблеме восприятия интеллектуальной средой людей иной культуры предопределило обращение к феноменологическому подходу, разработанному в форме социальной онтологии Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, и нашедшему применение как метод конкретно-исторического исследования в работах М. Фуко, С. И. Лучицкой и др., на эмпирическом уровне изучавших различные проявления феномена Другого в истории. Исходя из посылки феноменологии об интенциональности сознания, в работе использован прием реконструкции основных характеристик образа Другого (турок, латинян) и определения уровня традиционного и инновационного в этих построениях.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что впервые в исторической науке проведено интегральное исследование поздневизантийской интеллектуальной среды на основе анализа присущих ей системы ценностей и норм, идей и представлений, стереотипов деятельности и поведения, институциональных моделей и традиций. На базе широкого круга источников впервые в историографии проведен комплексный анализ различных аспектов бытования сообщества интеллектуалов как целостного социокультурного феномена. На основе просопографических изысканий впервые представлен наиболее репрезентативный список персоналий, формировавших интеллектуальную среду последней трети XIV – первой половины XV вв. В работе предпринята попытка выявить специфические особенности взаимоотношений внутри мира интеллектуалов и характер взаимодействия между ними, обществом и властью на закате Византийской империи, опираясь на ряд источников, никогда ранее не привлекавшихся для освещения данной проблематики. При изучении факторов дестабилизации поздневизантийского общества (династические конфликты, эпидемии чумы, турецкая угроза) и их оценок интеллектуалами впервые привлечены данные ряда

риторических трактатов, свидетельства которых прежде не рассматривались в подобном ракурсе. В диссертации наиболее полно на сегодняшний день исследованы формы интеллектуального общения, а также отмечена их специфика и обозначена гуманистическая составляющая этих способов коммуникации. Впервые затронуты вопросы культуры интеллектуального общения, выявлены такие новые ее аспекты, как дарообмен и культура смеха. На основе сочетания методов макро- и микроисторических исследований впервые проведена реконструкция типичной модели социального поведения членов поздневизантийского интеллектуального сообщества, детерминированной характерными для данной среды специфическими социокультурными практиками и формами социабельности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Интеллектуальное сообщество в Византии последней трети XIV – первой половины XV вв. представляло собой четко очерченную социальную группу, которая имела выраженную внутреннюю структуру, была скреплена прочными узами солидарности и занимала постоянное и вполне определенное место в общем ландшафте поздневизантийского общества.

2. Интеллектуалы играли заметную роль в политической жизни империи, входя в императорское окружение или занимая посты в системе управления, участвуя таким образом в принятии политических решений. С другой стороны, образованные люди, осознавая и оценивая ключевые проблемы общества, находящегося в кризисном состоянии, обозначали тем самым насущные задачи, стоящие перед властью. И хотя власть далеко не всегда реагировала на их критику, опыт подобного взаимодействия между властью, обществом и его образованной элитой был небесполезен.

3. Интеллектуальной среде была присуща единая система ценностей и норм, идей и представлений, а также общность институциональных моделей и коммуникативных практик, что позволяет дать целостное представление об этой группе. Однако при всем внешнем единстве этой среды нельзя исключать разницы во мнениях и идейные разногласия между отдельными учеными, а также различия в уровне интеллектуальных способностей.

4. Единая для представителей данного сообщества система ценностей находила выражение в схожем понимании интеллектуалами целей и содержания своей деятельности, в выборе ими путей самореализации, в доминировавших у них формах социабельности, в специфике проявления интеллектуальной корпоративности.

5. В литературном творчестве и интеллектуальном общении поздневизантийского времени особенно заметно проявились гуманистические тенденции. Это нашло выражение в активной разработке античной образной системы, актуализации классического наследия, подражании древним образцам и использовании антикизирующей эстетики в контексте интеллектуального образа жизни, что в определенной степени способствовало развитию культурного диалога между греческим Востоком и латинским Западом.

6. Кризисные явления общественной жизни оказывали воздействие и на мир интеллектуалов. Нарастающее ослабление центральной власти способствовало центробежным тенденциям в культурной жизни, следствием которых стало перемещение интеллектуальных сил на периферию, способствовавшим расцвету провинциальных городов и расширению географии интеллектуальных центров. Но наиболее выраженной реакцией интеллектуальной среды на кризис и упадок империи стала эмиграция ученых на Запад в XV в.

Практическая значимость работы. Выводы и наблюдения, сделанные в ходе исследования, способствуют формированию более точного и обоснованного представления о месте и роли интеллектуалов в политическом, социальном и культурном пространстве поздней Византии, об их вкладе в развитие европейского гуманизма и сохранение античного наследия. Разработанные методики исследования, предложенные в диссертации, могут быть полезны при изучении микроструктур различных обществ и анализе аналогичных социокультурных феноменов в разные исторические периоды. Полученные результаты включены образовательный процесс в рамках дисциплин «История Средних веков», «История культуры», «Средневековая цивилизация», читаемых в Уральском федеральном университете. Материалы исследования могут быть также использованы при подготовке специальных курсов по истории Византии, истории средневековой книжной культуры, истории европейского образования, историографии и источниковедению Византии. Фактический материал, собранный в диссертации, может быть привлечен для подготовки учебных пособий и учебников по истории и культуре Византии, истории Средних веков, истории интеллектуального труда в Средневековье.

Апробация материалов исследования. Основные результаты исследования были изложены в виде докладов и сообщений на международных и российских конференциях, конгрессах и семинарах: XVI, XVII, XVIII, XIX Всероссийские сессии византинистов (Москва, 2003; 2004; 2008; 2011); Научная сессия «Fall of the Empire, Rise of the Empire (1453)» (Будапешт, 2003); XI, XIII Научные Сюзюмовские чтения (Екатеринбург, 2003; 2010); IV, V, VII, IX, X, XII Международные Крымские конференции по религиоведению (Севастополь, 2002; 2003; 2005; 2007; 2008; 2010), Международная конференция «Россия – Крым – Балканы: диалог культур». (Севастополь, 2004); Чтения памяти Я. Н. Любарского «Эмоции в Византии» (Санкт-Петербург, 2005); Международный коллоквиум «Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди» (Саратов, 2007); Научные конференции «Византия в контексте мировой культуры», посвященные памяти А. В. Банк (Санкт-Петербург, 2008; 2010); Международный коллоквиум «Королевская власть, знать, двор в эпоху средневековья» (Москва, 2009); I, II, III, IV Византийские семинары «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь, 2009, 2010, 2011, 2012); XI, XIII Międzynarodowy Religioznawczy Konferencji Naukowy (Краков-Закопане, 2009; 2011); Международная конференция «Прошлое, настоящее и будущее италянистики в странах Балтии и России»

в честь проф. А. Д. Роловой, (Рига, 2010); Третья міжнародна наукова конференція «Актуальні проблеми історії стародавнього світу» (Київ, 2011); The 22st International Congress of Byzantine Studies (Софія, 2011); VI Международная конференция по Церковной археологии «Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011); I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна (Бахчисарай, 2012) и др.

Тема диссертационного исследования неоднократно была поддержана грантами и стипендиями: стипендия благотворительного фонда В. Потанина (2002); гранты Уральского государственного университета для молодых ученых – кандидатов наук (2003; 2005); грант РГНФ, проект «Поздневизантийское общество в оценках современников» (№ 08-01-00238а, 2008-2010 гг.); грант Министерства образования и науки РФ, проект «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение» (ГК № 02.740.11.0578, 2010-2012 гг.); грант Министерства образования и науки РФ, проект «Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии» (Соглашение № 14.А18.21.0480, 2012-2013).

Положения и основные результаты исследования в наиболее полном и завершенном виде нашли отражение в 62 научных публикациях, в том числе 1 монографии и 13 статьях, изданных в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК. Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите на заседании кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина 11 декабря 2012 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и использованной литературы, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** формулируется актуальность исследовательской проблемы, определяется объект, предмет, цели и задачи исследования, обосновываются хронологические и географические рамки, дается обзор источников, использованных для разработки поставленных задач, и приводится анализ предшествующей историографии. Во введении определяются также методологические подходы, необходимые для решения сформулированной проблемы, практическая значимость и степень апробации полученных результатов.

В первой главе **«Поздневизантийская интеллектуальная среда: социальное измерение»**, состоящей из четырех параграфов, дается характеристика интеллектуального сообщества с точки зрения персонального состава, внутренней структуры и места его представителей в социальном пространстве византийского общества. В первом параграфе **«Интеллектуальная среда: просопография и проблема терминологии»** определен круг интеллектуалов и представлен просопографический профиль каждого из них. В результате выявлены 152 человек, отнесенных нами к византийскому интеллектуальному сообществу последней трети XIV – первой половины XV вв. Под интел-

лектуалами мы понимаем тех, кто обладал хорошим образованием, часть своей жизни посвящал творческим занятиям и активно участвовал в интеллектуальной жизни своего времени. Последний признак имеет широкое функциональное значение, ибо не только относит человека к интеллектуальному миру, но и качественно определяет стиль его поведения и накладывает отпечаток на весь образ его жизни.

Данная группа не отличалась внутренней однородностью. Внутри списка четко выделяется элита - признанные современниками писатели, те, кто определял духовный климат в обществе, задавал тон не только в интеллектуальной, но и в общественно-политической жизни империи. На другом полюсе располагаются те, кто находился на периферии культурной жизни. В среде интеллектуалов происходило и размежевание по идейным убеждениям. Идейные разногласия становились порою поводом для враждебного отношения к современникам, стоящим на других позициях. Однако, несмотря на внутренние разногласия и неоднородность византийской интеллектуальной среды, она являла собой особое, отличное от других социокультурное сообщество, что дает возможность изучать ее как отдельный феномен, обладающий специфическими параметрами, которые позволяют рассматривать его как единое целое.

Во втором параграфе *«Демографический анализ интеллектуальной среды»* рассматриваются количественные, демографические и просопографические параметры данной группы. Эта среда, будучи по преимуществу мужской и этнически довольно однородной, была пронизана родственными связями и узами ученичества, укреплявшими ее внутреннее единство. Как и в предшествующий период, жизнь интеллектуалов, выходцев из разных частей Византийской империи, была связана преимущественно с традиционными культурными центрами и, прежде всего, с Константинополем. Однако характерной особенностью интеллектуального мира поздней Византии является повышение мобильности ученых по сравнению с более ранним временем. Это нашло выражение в оттоке интеллектуальных сил не только на периферию империи, но и за рубеж. Провинциализация интеллектуальной жизни, означавшая появление нескольких культурных центров, соперничавших по насыщенности интеллектуальной жизни со столицей, и эмиграция византийских ученых в другие страны стали характерной чертой этого времени.

Долголетие и активная деятельность не только на ниве интеллектуальных занятий, но и на политическом либо церковном поприще, отличали многих носителей византийской образованности. Можно констатировать равное соотношение светских и духовных лиц в кругу поздневизантийских интеллектуалов. Ученые, связанные с церковно-монастырскими структурами, в большинстве своем занимали довольно высокие позиции в этой системе. Лица, избравшие светскую карьеру, также нередко оказывались в рядах чиновной элиты или даже в императорском окружении.

В третьем параграфе *«Место интеллектуалов в придворном мире и в структурах власти»* рассматривается проблема присутствия ученых в им-

ператорском окружении и административной системе, анализируется роль интеллектуалов в политической жизни империи, поднимается вопрос о характере диалога образованной элиты и власти. Высокий престиж бюрократии и привлекательность придворной службы порождали специфическую социальную стратегию образованной элиты, стремившейся попасть в слой чиновничества или войти в императорское окружение.

Одна из наиболее заманчивых перспектив, открывавшихся перед известным ученым, - стать наставником детей или жены василевса. Другим способом образованному человеку проявить себя было написать энкомий, прославляющий правителя. Хвалебные оды императорам являлись мощным орудием политической пропаганды и укрепления государственной власти, поэтому обойтись без красноречия интеллектуалов власть не могла.

Образованные люди привлекались также государством в сферу управления, репрезентации государственной власти, выполняли судебные и исполнительные функции. В последний период существования империи практика раздачи государственных постов людям из ученого мира сократилась. Среди поздневизантийских интеллектуалов немногие имели постоянные должности, хотя уровень их общественного положения был довольно высок. Так, из 14 первых министров (месадзонов) всего палеологовского времени шесть принадлежали к интеллектуальной элите (четверо из них относятся к нашему периоду). Однако просопографические изыскания показывают в целом достаточно скромный уровень занимаемых интеллектуалами постов и слабую представленность ученых в высшей администрации. Наряду с этим наблюдалась устойчивая тенденция к использованию таковых императорами в частном порядке как членов свиты, доверенных особ, советников и своих личных секретарей.

Бедственное положение, в котором оказалась императорская власть на закате Византии, вынуждало людей книги искать себе покровителей за пределами не только столицы, но и империи. Эмигрируя на Запад, некоторые ученые служили в качестве секретарей, легатов и послов иностранным правителям, в частности папскому престолу, которые охотно использовали их опыт, эрудицию и знания.

Четвертый параграф *«Византийский интеллектуальный мир: социальная характеристика»* посвящен анализу социального статуса и материального положения поздневизантийских ученых. В качестве критериев оценки их положения в обществе были выбраны три параметра: происхождение, обладание должностями и богатством. Рассматривая в качестве критерия происхождение человека, мы учитывали не только социальное положение семьи, где родился будущий интеллектуал, но и стремились проследить по мере возможности наличие аристократических корней у его рода. Это позволило оценить социальную мобильность на протяжении ряда столетий и выявить преобладание в занятиях литературной деятельностью представителей того или иного социального слоя. Рассматривая получение высоких должностей и титулов как показатель повышения социального веса человека, мы пы-

тались проследить процесс вхождения интеллектуалов в состав знати, который свидетельствовал о конвертировании литературной репутации в социальный престиж. И, наконец, понимая под богатством как земельную, так и движимую собственность, мы старались определить материальное состояние интеллектуалов в завершающий период византийской истории.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что византийские интеллектуалы принадлежали к нескольким социальным группам: 1) к административной верхушке, занимая важные позиции в церковной иерархии или государственной системе; 2) к окружению императора или других состоятельных лиц, находясь на службе и выполняя различные их поручения; 3) к средним слоям, используя свои знания для преподавательской деятельности. В целом же, интеллектуалы, если и не относились к высшим слоям общества, то находились в непосредственной близости к ним.

Вторая глава **«Формы интеллектуального диалога»**, состоящая из пяти параграфов, характеризует специфику внутренних связей изучаемого сообщества, способы его консолидации и проявлений корпоративного стиля жизни. Система образования, покоившаяся на тесных личных контактах, регулярные встречи, обмен мнениями в кружках, эпистолярные связи скрепляли единство ученой среды.

В первом параграфе **«“Ученая дружба” в мире византийских интеллектуалов»** исследуется феномен «ученой дружбы», выступавшей в качестве неперемennого атрибута разных форм интеллектуального общения. Дружба понималась в кругу интеллектуалов как высшая добродетель, чем подчеркивалась избранность тех, кто обладал способностью поддерживать дружеские отношения. Сам феномен «ученой дружбы», унаследованный от античности, имел выраженную гуманистическую окраску благодаря его концентрации на характере человеческих отношений и ценности межличностного общения.

«Ученая дружба» – понятие достаточно многозначное. Немаловажную роль в ней играли привязанность и внимание к человеку схожих умонастроений. Однако определяющее значение в отношениях «ученой дружбы» занимали интеллектуальные категории учености и любви к науке. Друзья культивировали друг в друге интерес к знаниям, поощряли усердие в научных изысканиях. Обмен сочинениями между интеллектуалами, их дискуссии, наставничество, окрашенные в дружеские тона, играли существенную роль в их общении, цементируя научные связи человеческими привязанностями.

«Ученая дружба» выполняла и определенные компенсаторные функции: распространенные в ученой среде личная протекция и заступничество восполняли недостаточно развитую в Византии систему социальных связей.

Второй параграф **«Наставники и их подопечные»** посвящен отношениям между учителями и учениками как форме интеллектуального общения. В соответствии с античной традицией, воспитание представлялось византийцам исключительно как глубокое личное общение, в котором старший выступает одновременно наставником, другом и идеалом ученика, а тот, в свою очередь, должен испытывать расположение к учителю. Отношения «учитель

– ученик» были своего рода скрепами, удерживавшими единство интеллектуальной среды еще и в вертикальном срезе, а определение «учитель учителей» относилось ко многим византийским интеллектуалам.

В диссертации подробно рассмотрен характер наставнических отношений на примере деятельности Димитрия Кидониса, воспитавшего целую плеяду интеллектуалов. В круг его учеников входили и особы императорской крови (Елена Палеологина, Мануил II Палеолог), теологи, писатели и риторы, игравшие заметную роль в политической жизни империи (Мануил Калека, Максим и Андрей Хрисоверги, Мануил Хрисолора, Георгий Гемист Плифон, Димитрий Скаран), а также люди, хоть и не достигшие литературных высот, но получившие хорошее классическое образование (Раден).

Отношения «учитель – ученик» цементировали корпоративность интеллектуальной среды, создавая внутри нее новые связи, способствуя сохранению ее системы ценностей, поддерживая традиции образования. Учитель вводил ученика не только в мир знаний, но и в круг ученых, обеспечивая тем самым воспроизводство интеллектуальной элиты.

Третий параграф *«Интеллектуальные кружки»* затрагивает проблему функционирования в Византии интеллектуальных кружков («театров»), которые собирали образованную аудиторию для обсуждения научных вопросов, знакомства с новыми литературными произведениями коллег, обмена мнениями и открытой дискуссии. «Театр» играл важную роль в системе межличностного общения, позволяя, с одной стороны, данному сообществу проявлять свою элитарность, исключительность (поскольку он был собранием избранных), с другой – реализовать коммуникативную функцию. В диссертации освещается деятельность литературных салонов, атмосфера интеллектуальных споров, эмоции участников и реакции аудитории.

Существование «театра» отражало специфическую особенность византийского менталитета, которую К.-П. Мачке определил как «репрезентативную гласность». О происходившем на литературных собраниях, о реакции аудитории на выступления ораторов и результатах диспута быстро становилось известно в ученом мире благодаря эпистолярным сообщениям участников этого действа. Открытость «закрытых заседаний» была важной чертой этого уникального явления.

«Театр» был своего рода имитацией, подражанием, игрой в Античность. Игровой элемент придавал интеллектуальным кружкам гуманистическую окраску. Таким образом, «театр» представлял собой и форму адаптации культурных традиций прошлого к условиям современности.

В четвертом параграфе *«Эпистолярные практики»* анализируется феномен дружеской переписки в среде византийских интеллектуалов. Письмо, которое, по замечанию Мануила II Палеолога, было «образом души», отражало эмоции, переживания и размышления автора, демонстрировало его эрудицию, уровень образовательной подготовки и степень владения риторическим мастерством, являясь в какой-то степени интеллектуальным «портретом» автора. Оно также служило доказательством дружеского расположения

к адресату и подтверждением прочности интеллектуальных связей корреспондентов.

Византийское письмо, при всей ограниченности присутствующей там конкретно-исторической информации, весьма ценный источник для исследования межличностных отношений в среде интеллектуалов. Сквозь строки проступают образы автора и адресата, высвечивается манера общения, обнажается эмоциональный настрой переписки. Являясь распространенным способом общения между образованными людьми, письмо хранит дух времени и сиюминутность авторского восприятия. Этикет, который не только пронизывал послания изнутри, но и подчинял определенным правилам сам обмен письмами, отражает поведенческие стереотипы тех, кто поддерживал эпистолярную связь. Подчиненное эпистолярному ритуалу, письмо составлялось с широким применением шаблонов и штампов, однако порядок их использования дает представление не только о «законах жанра», но и об эстетических пристрастиях литераторов.

Пятый параграф *«Дары в контексте интеллектуального общения»* посвящен проблеме дарообмена как элемента коммуникативной практики поздневизантийских интеллектуалов. Специфика обмена дарами в кругу интеллектуалов состояла в том, что дар был прежде всего поводом выразить дружеское расположение, подчеркнуть степень эмоциональной близости, продемонстрировать в сопроводительном письме собственную образованность и эрудицию, блеснуть литературным мастерством и умением владеть словом.

Дар являлся неременным атрибутом общения византийских интеллектуалов. Письма содержат разнообразную информацию о характере даров, выражение благодарности или, напротив, критику в связи с получением подарков, описание ситуаций, в которых происходил обмен дарами. Анализ практики обмена дарами и характера риторических высказываний, его сопровождавших, свидетельствует об особой значимости этого феномена в функционировании сообщества интеллектуалов. Преподнесение дара – столь распространенное и порой заурядное явление в жизни обычных людей – в контексте интеллектуального общения превращалось в событие, достойное риторического оформления, становясь фактом письменной культуры.

Третья глава *«Гуманистические тенденции в интеллектуальной жизни поздней Византии»*, состоящая из семи параграфов, освещает роль античного компонента в культуре интеллектуального общения и степень влияния классической традиции на творчество поздневизантийских авторов. Особое внимание уделено анализу конкретных риторических образов и способов их употребления, раскрывающих специфику поздневизантийского гуманизма.

Проблеме византийского Возрождения как особого культурного явления, особенностям поздневизантийского гуманизма, анализу основного вектора развития ренессансных тенденций в культуре палеологовского времени посвящен первый параграф *«Гуманизм палеологовского Возрождения»*.

Второй параграф *«Античный след в интеллектуальной жизни»* актуализирует проблему влияния классического наследия на творчество и манеру общения поздневизантийских ученых. Подражание античности в среде византийских интеллектуалов проявлялось как на содержательном (в системе образно-эстетических и этических представлений), так и на формальном уровне, находя свое воплощение в образе жизни, принятом в кругу образованной элиты.

Ученая среда признавала и поощряла любые компиляции и реминисценции из древних авторов, имитацию их стиля и заимствование образной системы. Ни один из авторов поздней Византии не мог обойтись без использования античных элементов культуры. Не столько многочисленность древних цитат и реминисценций, сколько глубинное проникновение в смысл древних текстов и образов отражало гуманистические тенденции в поздневизантийской интеллектуальной жизни. Особенно ярко влияние античности на поздневизантийскую литературу проявилось на уровне использования образов и метафор из семиотического ряда классики. Некоторые из античных топосов приобрели особенно широкое распространение в XIV–XV вв. в силу созвучности темам, занимавшим интеллектуальный мир.

В третьем параграфе *«Сакральные образы в профанной литературе»* на материалах корреспонденции Димитрия Кидониса анализируются образы, связанные с религиозной тематикой и определяется характер их использования в контексте сочинений, ориентированных прежде всего на античную традицию с ее мифологической (языческой по сути) составляющей. Сакральные образы по степени насыщения ими эпистолярного текста заметно уступали античным реминисценциям. Они, как и античные образы, выполняли прежде всего стилистическую функцию, украшая повествование и расцвечивая текст. Однако сакральный образ не только имел декоративный характер, демонстрируя эрудицию автора, но и нес определенную смысловую нагрузку, выявляя глубинный смысл высказанной мысли. Органическое сосуществование в тексте писем образов и сравнений, почерпнутых автором как из библейских текстов, так и из древнегреческих и римских сочинений, свидетельствует об уравниваемости античного и христианского компонентов в византийской образованности.

В четвертом параграфе *«Морские образы в византийской эпистографии»* рассмотрены топосы морской стихии и корабля. Византийские писатели из богатого арсенала риторических приемов часто выбирали именно морские образы для передачи трагичности происходящего в обществе. Если метафоры штормящего моря и корабля, терпящего бедствие, отражали эсхатологические настроения в условиях упадка и крушения империи, то образ правителя-кормчего, твердой рукой ведущего судно сквозь бури, олицетворял надежду на спасение: Частота употребления топосов, связанных с морской тематикой, свидетельствует о новой актуализации этих античных образов.

Появление в духе античных образцов пейзажных зарисовок, анализу которых посвящен пятый параграф **«Природа в византийском письме: взгляд гуманиста»**, было связано с гуманистическими тенденциями в поздневизантийской литературе. Живое, наполненное деталями описание природы, индивидуально окрашенное любованием красотой и гармонией окружающего мира передавали гуманистический взгляд автора.

В шестом параграфе **«Красота города в гуманистическом освещении»** исследуется употребление поздневизантийскими авторами топоса красоты применительно к изображению города и городского пространства. Образ города создавался в сочетании различных элементов: природно-географических (месторасположение), топографических (планировка, улицы, площади), архитектурных (здания, колоннады, арки), интеллектуальных (творческая среда) и духовных (церкви, святыни). Оценка этих компонентов обязательно выстраивалась по шкале этико-эстетического восприятия. Подобной схеме при описании городских красот следовали Димитрий Кидонис, Мануил Хрисолора, Виссарион и Иоанн Евгеник.

Среди риторических оборотов важная роль отводилась топосу красоты – ключевому понятию в конструировании образа города, главному мерилу в оценке городских достоинств. С помощью многократного употребления риторических оборотов, включавших понятие «καλός», авторы пытались сохранить визуальный образ идеального города, прославляемого византийской риторикой на протяжении столетий. Но все же они, демонстрируя незыблемость эстетических принципов, добавляли в этот образ новые краски и полутона. Однако, несмотря на имевшие место новации в создании образа города, литературная традиция и ностальгическая преданность городскому идеалу в последние византийские столетия находились в конфликте с реальностью. Воспевание городских красот в это время было не более чем риторической фигурой речи, общим местом, проявлением гуманистических тенденций в творчестве интеллектуалов.

В седьмом параграфе **«Шутка в культуре интеллектуального общения»** поднимается проблема культуры интеллектуального смеха и ее гуманистическое наполнение. В византийском письме всегда находилось место иронии и шутке, высказанным либо в откровенной, либо в заретушированной риторическим обрамлением форме. Приведенные примеры шутливых пассажей, комичных историй, ироничных высказываний обнаруживают иное, по сравнению с современным, качество смеха византийцев. Ни воспитание, ни законы жанра не позволяли автору открыто демонстрировать свое чувство юмора, предпочитая выражать его в мягкой форме. В письме часто находилось место либо изящной шутке, либо тонкой иронии. Авторский смех звучал приглушенно, не нарушая общей тональности интеллектуального общения.

В четвертой главе **«Проблемы империи глазами интеллектуалов»** рассмотрены трактовки интеллектуалами основных внутри- и внешнеполитических проблем империи последней трети XIV – первой половины XV вв. В первом параграфе **«Состояние отечества в оценках современников»**

анализируется отношение интеллектуалов к основным проблемам, стоявшим перед их отечеством, к состоянию науки и образованию, к проблеме бедственного положения империи. Патриотические мотивы тесно переплетаются с описанием состояния дел на родине, с раздумьями о ее судьбе. Интеллектуалы ощущали личную ответственность за настоящее и будущее своей страны, поэтому с образом родины связана и идея служения отечеству. Основной же темой в подобных размышлениях была тревога и ощущение близящейся катастрофы.

Второй параграф **«Внутридинастический конфликт: взгляд изнутри»** строится на анализе трактата Мануила II Палеолога «Нравственный диалог, или О браке», который, будучи посвященным вопросу о необходимости правителю вступать в брак, затрагивает и более общую проблему поиска механизмов укрепления императорской власти при отсутствии четкого порядка правопреемства и в условиях затяжной междоусобицы. Мануил II дал оценку длительной конфронтации со своим племянником и четко определил проблемы, стоявшие перед императором. Задача правителя, как он ее понимал, служить подданным образцом для подражания, сохранять мир в империи, гарантировать преемственность власти и обеспечивать стабильность политического курса.

Бедственное положение в стране было определено не только развалом экономики, внутридинастическими неурядицами и агрессией со стороны турок, но и эпидемиями чумы, которая с периодичностью навещала в империю в последнее столетие ее истории. Третий параграф **«Чума как фактор дестабилизации византийского общества»** как раз и показывает, какую роль играли эпидемии в углублении кризиса, охватившего Византию. Авторы, оставившие яркие описания чумы, передали все ужасы разыгравшейся в поздневизантийское время трагедии. На страницах своих сочинений они не только оплакивали потерю родных, друзей и соотечественников, но и размышляли о причинах выпавших на их долю испытаний. Они выражали чувства отчаяния и уныния, паники и смятения, которые испытывали люди перед лицом страшной эпидемии.

Не меньшей бедой для Византии были и турки. В четвертом параграфе **«Османская экспансия в восприятии интеллектуалов»** рассматривается отражение турецкой темы в размышлениях византийских интеллектуалов о прошлом, настоящем и будущем империи. Современники старались понять причины столь молниеносного взлета своих восточных соседей и нанесенных ими поражений Византии, оценить степень турецкой угрозы и последствия османских завоеваний для христианского мира в целом. Отношение образованных византийцев к туркам, выражавшееся изначально в неприятии и отторжении «нечестивого народа», постепенно претерпело изменение в сторону улучшения. Более сдержанная и трезвая оценка, утверждавшаяся в умах не только образованных византийцев XV в., но и в среде политической элиты была вызвана настоятельной потребностью найти пути замирения с опасным противником и сосуществования с ним в занятых областях, а на заключи-

тельной фазе турецких завоеваний и необходимостью выживания в новых условиях. И все же эти два религиозных мира в целом оставались непроницаемыми друг для друга.

В пятой главе **«Прозападные настроения в интеллектуальной среде»** выявляется роль интеллектуалов в налаживании и развитии кросс-культурного диалога Византии с Западом. Первый параграф **«Латинофильство как форма инакомыслия»** посвящен идейному течению, доказывавшему возможность и необходимость сближения с латинянами. Латинофильское крыло, несмотря на свою малочисленность, обладало значительным влиянием в политической жизни. Если в последней трети XIV в. латинофильство сложилось на основе увлечения западным богословием, то в XV в. оно стало знаменем тех, кто сделал ставку на унию церквей не только из религиозных соображений, но и из политических мотивов, видя в сближении с Западом средство спасения империи от османской угрозы.

Анализ высказываний латинофилов о людях Запада, проведенный во втором параграфе **«Запад в оценках латинофилов»**, позволяет говорить о неоднозначном отношении к латинянам даже тех византийцев, кто демонстрировал к ним свое расположение. Несмотря на признание достоинств западной культуры и богословия, на стремление к более тесному культурному сближению, на готовность к уступкам в вопросах веры, представители прозападного течения в своих оценках подчас руководствовались традиционным подходом ко всем неvizантийцам, называя в рамках традиционной фразеологии латинян «варварами», выражая снисходительное отношение к ним, проявляя политический снобизм. Признание равенства и возможности партнерства с латинянами сочеталось порой с нескрываемым высокомерием по отношению к ним.

Третий параграф **«В поисках союзников на Западе. Случай Кидониса»** наглядно иллюстрирует то, какую роль играло латинофильство в истории Византии, и демонстрирует все сложности становления византийско-итальянских отношений в области культуры, политики и религии на примере дипломатической деятельности выдающегося интеллектуала Димитрия Кидониса.

В четвертом параграфе **«Из латинян в греки: византийская одиссея Павла из Милана»** осуществляется реконструкция жизни одного образованного итальянца конца XIV в. Проведенное микроисторическое исследование демонстрирует и характер интеллектуальных запросов европейцев, обращавших взоры к Византии, и отношение самих византийцев к тем, кто восхищался греческой мудростью. С другой стороны, предпринимаемая реконструкция дает уникальную возможность узнать о тех обстоятельствах, которые не позволили реализоваться благородным намерениям юного интеллектуала, стремившегося к усвоению греческой мудрости, но так и не пополнившего ряды гуманистов.

Пятый параграф **«Византийская интеллектуальная эмиграция в Италию»** посвящен проблеме исхода византийских ученых на Запад. Дея-

тельность образованных греков за пределами их родины оказала заметное влияние на развитие европейского гуманизма вообще и итальянского в частности. С момента появления Хрисолоры в Италии и до конца XV в. гуманисты значительно продвинулись в освоении классического наследия. Начав с изучения греческого языка, через переводы и собирание древних манускриптов, они подошли к усвоению античной традиции, открыв европейскому миру культуру, которая ранее бережно сохранялась в Византии. Кроме того, многие черты византийской интеллектуальной среды обрели новую жизнь на итальянской почве. С другой стороны, контакты с Западом меняли и мир самих византийских интеллектуалов.

В **Заключении** обобщены результаты и сформулированы общие выводы работы.

Установлено, что византийская интеллектуальная среда представляла особый социокультурный феномен, обладавший специфическими характеристиками. Его уникальность состоит в том, что в аккорпорированном социуме интеллектуалам удалось образовать корпоративное сообщество. Будучи по преимуществу мужской и этнически гомогенной, их среда была пронизана родственными связями, отношениями наставничества и ученичества, узами разнообразных форм интеллектуального общения, обеспечивавшими достаточно высокую внутреннюю прочность корпорации.

Настоящее исследование показало, что при всей неоднородности интеллектуальной среды ее представители занимали по большей части достаточно высокое положение в византийском обществе. Они принадлежали либо к его верхушке, занимая важные позиции в церковной иерархии или государственной системе, входя в окружение императора или других состоятельных лиц, находясь у них на службе и выполняя различные их поручения, либо к средним слоям, используя свои знания преимущественно для преподавательской деятельности. Но и те интеллектуалы, кто не относился собственно к верхним слоям общества, были весьма близки к ним.

Исследование среды интеллектуалов как определенного социокультурного феномена позволило сделать некоторые выводы относительно их социального поведения. Как и в предыдущие периоды византийской истории, образование играло роль социального лифта, дававшего возможность подняться на самые верхние этажи государственного здания. Попав, благодаря владению риторикой и солидной образовательной подготовке, в систему власти или закрепившись при дворе, интеллектуалы становились пропагандистами официального курса, проводниками идейно-политических решений, оставляя при этом за собой моральное право на критику в адрес императора. Социальный престиж и материальный достаток, которые гарантировала государственная служба, побуждали ученых людей искать способ войти в ряды бюрократов, нравы которых они в то же время весьма порицали.

Мир византийских интеллектуалов последней трети XIV – первой половины XV вв. чутко реагировал на вызовы своего времени. Провинциализация культурной жизни и рассеивание интеллектуалов по периферийным цен-

трам стало своеобразным ответом на ухудшавшееся политическое положение и экономическую стагнацию. Кризис, в котором оказались власть и общество, вынуждал ученых покидать дворец в поисках новых покровителей. Распыление интеллектуальных сил стало знаменем времени. Впрочем, отток носителей византийской образованности из столицы и даже эмиграция их не нарушали единства корпорации в целом.

Внутренними скрепами, удерживавшими целостность мира интеллектуалов, выступали такие формы социальности, как литературные кружки, наставничество, переписка, научные диспуты, обмен дарами, в том числе и собственными сочинениями. Эти формы общения обеспечивали индивиду включенность в социальную микросреду, удовлетворяли его потребность в установлении и поддержании межличностных контактов, подтверждали его сопричастность к культурной жизни, участие в которой было для него важным фактором социальной самоидентификации. Мир ученых создавал своего рода интеллектуальное поле, высокое напряжение в котором поддерживалось разными формами общения. Собственно, эти формы интеллектуальных коммуникаций и создавали среду как социальное явление.

Рассмотрение форм общения, а еще в большей степени творческого наследия интеллектуалов позволяет сделать вывод о гуманистических веяниях, ярко проявившихся в интеллектуальной жизни указанного периода. Исследованные в работе сюжеты показывают пути и особенности проникновения гуманистических тенденций в литературное творчество писателей и в повседневную практику их интеллектуального общения. Основные гуманистические тенденции обнаруживаются и в творческой манере поздневизантийских авторов, и в используемой ими образной системе, и в приемах риторического обрамления, и в специфике тематического подбора. Гуманистические проявления отчетливо обнаруживаются также в этикете, собственном поведению интеллектуалов. С точки зрения культурного измерения интеллектуальной среды проведенный анализ дает основание утверждать, что интеллектуалы были основными носителями византийского гуманизма периода его расцвета.

В рамках данного исследования был также проведен анализ представлений ученых о главных проблемах поздневизантийского общества и государства, их оценка происходивших событий и позиция по ключевым вопросам того времени. От взора интеллектуалов не могли ускользнуть ни бедственное положение населения империи, ни тяжелая внешнеполитическая ситуация, ни политические и идейные раздоры внутри страны. Эти симптомы болезни общества и государства красноречиво свидетельствовали о закате былого могущества. Интеллектуальная элита начинала осознавать противоречие между постулируемой веками политической идеей и фактическим состоянием дел в стране. С точки зрения политико-идеологической доктрины, Византия считалась наследницей Римской империи, а ее уделом было господствовать над всеми народами с Божьего соизволения. Сознанию образованного византийца было крайне трудно примирить реальность турецкого присутствия на греческих землях с убеждением в собственной принадлежно-

сти к мировой империи и пребывание в унижительном положении вассала могущественного завоевателя – с традиционным презрением к варварам. Ситуация осложнялась внутренним состоянием дел, также не внушавшим интеллектуалам оптимизма. Внутренние неурядицы, вражда и политическое соперничество ослабляли императорскую власть, лишая ее возможности твердой рукой вести государственный корабль через бушующее море.

В культурном отношении византийцы продолжали эллинскую традицию образования и литературного творчества, позволявшую гордиться великими предшественниками, чьими трудами преумножалась греческая мудрость. Но и здесь интеллектуалы вынуждены были признать безрадостные перемены: былая слава осталась в прошлом, а утраченное греками лидерство в этой сфере постепенно переходило к тем, кто в прежние времена с восхищением взирали на греческую культуру. Забвение наук в Византии выглядело особенно удручающим на фоне культурного расцвета в латинском мире. Не находя поддержки со стороны императорской власти и применения творческим способностям на родине, люди науки оказались востребованы лишь за ее пределами.

В последнее столетие истории Византии для большинства мыслящих современников стало слишком уж очевидным, что фундаментальные принципы византийской идентичности поколеблены, с одной стороны, растущим могуществом молодого османского государства, с другой – осознанием интеллектуального и экономического превосходства Запада. Спасением от мрачной реальности в какой-то степени и было их собственное бегство в закрытый мир элитарной литературы.

Интеллектуалы были очевидцами постепенного угасания Византии. Они не могли не видеть печальные перемены и отмечали признаки упадка, стараясь, однако, не допускать и мысли, что империя когда-то может погибнуть. Византийцы осознавали смертельную опасность, грозившую их стране, но не представляли себе возможности краха империи. Интеллектуалы вплоть до последних дней Византии не хотели верить в то, что их родина погибает. В своих сочинениях они, говоря о действительности, отмечали приметы времени – упадок, забвение, обеднение. Преисполненные пессимизма в оценках состояния дел, они, тем не менее, были убеждены, что это временное явление, что на смену трудным временам придут процветание и новый подъем.

Существование подобного социокультурного феномена, какой из себя представляла интеллектуальная среда поздней Византии, позволило сохранить достижения византийской культуры и импортировать их за пределы империи. Именно благодаря своим интеллектуалам Византия в культурном отношении сохранила бытие даже после политической гибели. Покидая гибнущую империю, они унесли с собой на чужбину, если и не саму родину, то по крайней мере достижения ее культуры, став по сути хранителями «Византии после Византии».

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:

1. Куц Т.В. Рец. на: В.В. Серов. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2000. 208 с. // Византийский Временник. М., 2002. Т. 61 (86). С. 194–199 (в соавторстве: А.С.Козлов), 6 с. / 3 с.
2. Куц Т.В. Образ отечества в письмах Мануила II Палеолога // Византийский временник. М., 2005. Т. 64. С. 136–140.
3. Куц Т.В. Эпистолярная практика в Поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. [Сер.2] Гуманитарные науки. Вып.10. Екатеринбург, 2005. № 39. С. 5–15.
4. Куц Т.В. Торговцы в оценках интеллектуала // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. Т. XXX. С. 247–253.
5. Куц Т.В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. М., 2008. Т. 67 (92). С. 38–56.
6. Куц Т.В. «Черная смерть» в Византии как фактор дестабилизации общества // Известия Уральского государственного университета. [Сер.2] Гуманитарные науки. Вып. 16. Екатеринбург, 2008. № 59. С. 6–17.
7. Куц Т.В. Роль интеллектуалов в придворном мире Поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. [Сер.2] Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2009. № 4(66). С.238–245.
8. Куц Т.В. Внутридинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2011. № 3 (32). С. 35–40.
9. Куц Т.В. Дары как элемент поздневизантийского эпистолярного этикета // Известия Уральского государственного университета. [Сер.2] Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 4(96). С. 286–294.
10. Куц Т.В. Античный след в интеллектуальной жизни Византии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород, 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 65–70.
11. Куц Т.В. Византия без границ. XXII Международный конгресс византийских исследований // Известия Уральского федерального университета. [Сер.2] Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 2 (102). С. 279–281 (в соавторстве: А. С. Мохов, К. Р. Капсалыкова), 3 с. / 1 с.
12. Куц Т.В. Матримониальный путь укрепления императорской власти: рассуждения Мануила II Палеолога о браке // Средние века. М., 2012. Вып. 73 (1–2). С. 73–91.
13. Куц Т.В. Елена Кантакузина Палеологина: портрет византийской императрицы // Известия Уральского федерального университета. [Сер.2] Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2012. № 4 (108). С. 5–17.

Монография:

14. Куц Т.В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург: Издательство УрФУ, 2013. 427 с.

Другие научные публикации:

15. Куц Т.В. К проблеме морских образов в поздневизантийской эпистографии // Античная древность и средние века. 2001. Вып. 32. С. 239–244.
16. Куц Т.В. К социальной характеристике византийской интеллектуальной среды конца XIV–XV веков // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 242–252.
17. Куц Т.В. Латинофильство в среде византийских интеллектуалов в конце XIV–XV вв. // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. IV Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2002. С. 19–20.
18. Куц Т.В. «Ученая дружба» как феномен византийской интеллектуальности // Тысяча лет европейской истории. Екатеринбург, 2003. С. 3–10.
19. Куц Т.В. Пейзаж в поздневизантийском письме // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 348–354.
20. Куц Т.В. Латинофильство в среде византийских интеллектуалов в конце XIV–XV вв. // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Сборник научных трудов. Севастополь, 2003. С. 84–86.
21. Куц Т.В. Природа в византийском письме // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 53–54.
22. Куц Т.В. Образ отечества в письмах Мануила II Палеолога // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византистов. М., 2003. С. 51.
23. Куц Т.В. Образ города в «Сравнении Древнего и Нового Рима» Мануила Хрисолоры // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Тезисы докладов V Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2003. С. 24–25.
24. Куц Т.В. Латиняне в оценках византийских интеллектуалов прозападного направления // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя). Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византистов. М., 2004. С. 101–102.
25. Куц Т.В. Поездка Димитрия Кидониса в Италию в 1390–1391 гг.: надежды и разочарования // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции. Екатеринбург, 2004. С. 140–142.
26. Куц Т.В. Подражание античности: византийская интеллектуальная жизнь XIV–XV веков // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 3. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург, 2004. С. 148–156.

27. Куц Т.В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2004. Вып. 35. С. 193–204.
28. Куц Т.В. Виссарион // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VIII. С. 542–544 (в соавторстве: П.И. Жаворонков, А.Г. Крысов), 3 с. / 2с.
29. Куц Т.В. Образ города в «Сравнении Древнего и Нового Рима» Мануила Хрисолоры // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Сборник научных трудов. Севастополь, 2004. С. 139–142.
30. Куц Т.В. Святые Рима в освещении византийского гуманиста // Культ святых мест в древних и современных религиях. VII Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2005. С. 28–29.
31. Куц Т.В. Латиняне в восприятии латинофилов // Античная древность и средние века. 2006. Екатеринбург, Вып. 37. С. 318–328.
32. Куц Т.В. Ирония и шутка в византийской эпистолярной литературе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 468–474.
33. Куц Т.В. Святой Димитрий – защитник Фессалоники // Sacrum et profanum III. Небесные патроны и земные служители культа. Сборник научных трудов. Севастополь, 2007. С. 115–119.
34. Куц Т.В. Проблема раннесредневекового города в оценке М.Я. Сюзюмова // Историк и его эпоха. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова. Тюмень, 2007. С. 170–172.
35. Куц Т.В. Святой Димитрий – защитник Фессалоники // Небесные патроны и земные служители культа. IX Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2007. С. 32.
36. Куц Т.В. Образ врача в литературе позднепалеологовской Византии // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2008. Вып. 38. С. 246–257.
37. Куц Т.В. У истоков studia graecorum на Западе: византийский вклад // Россия и мир: панорама исторического развития. Сборник статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 484–490.
38. Куц Т.В. Чума как наказание: эсхатологические настроения в Поздней Византии // Религия в жизни человека и общества. Тезисы докладов и сообщений X Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2008. С. 46–47.
39. Куц Т.В. Традиции византийской риторики в эпистолярной литературе Исихастов // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2008 г. С. 86–88.
40. Куц Т.В. Исидор Киевский как эпистограф // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 375–382.

41. Куц Т.В. Брак в оценке императора Мануила II Палеолога: политический аспект // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений Византийского Семинара. Севастополь, 2009. С. 29–30.
42. Куц Т.В. Сакральные образы в профанной литературе (по материалам поздневизантийской эпистолографии) / Sakralne fenomeny: wczoraj i dziś. Streszczenia i komunikaty XI Międzynarodowej Religioznawczej Konferencji Naukowej. Kraków, 2009. S. 45–46.
43. Куц Т.В. Изучение поздневизантийской интеллектуальности: историографический абрис // Imagines mundi: Альманах исследований по всеобщей истории XVI–XX вв. №7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 275–283.
44. Куц Т.В. Топос красоты в laudes urbium поздневизантийского времени // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 51: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк. СПб., 2010. С. 556–563.
45. Куц Т.В. Сакральные образы в профанной литературе (по материалам поздневизантийской эпистолографии) // Nomos. Kwartalnik Religioznawczy. Kraków, 2010. № 71/72. С. 147–156.
46. Куц Т.В. Поздневизантийские интеллектуалы: путь к религиозной конверсии // Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне // Тезисы докладов и сообщений XII Международной Крымской конференции по религиоведению. Севастополь, 2010. С. 29.
47. Куц Т.В. Византийская императрица Елена Кантакузина Палеологина: штрихи к портрету // «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений II Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2010. С. 19–20.
48. Куц Т.В. Социальный мир в корреспонденции Димитрия Кидониса // XIII Международные научные Сюзюмовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2010. С. 60–62.
49. Куц Т.В. Наставничество как форма интеллектуального общения // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2011. Вып. 41. С. 352–362.
50. Куц Т.В. Отражение внутрдинастического конфликта в «Нравственном диалоге, или о браке» Мануила II Палеолога // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 140–142.
51. Куц Т.В. Титул соправителя в контексте междоусобицы второй половины XIV в.: просопографическое измерение / «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений III Международного Византийского Семинара. Севастополь, 2011. С. 17–18.
52. Куц Т.В. Никомедийские мученики в византийской агиографической литературе X–XIV вв. // Херсонес – город святого Климента. Тезисы докладов и сообщений VI Международной конференции по Церковной археологии. Севастополь, 2011. С. 24–25 (в соавторстве: А.С. Мохов), 2 с. / 1 с.

53. *Куш Т.В.* Турки в восприятии интеллектуалов (религиозный аспект) // XIII Międzynarodowa Religioznawcza Konferencja Naukowa «Symbolizm religijny jako światowe dziedzictwo kulturowe». Kraków, 2011. S. 28–29.
54. *Куш Т.В.* Итальянцы глазами византийских авторов середины XIV в.: сфера культуры и политики // ПОЛЕМОЛОГОС. Сб. статей памяти профессора В. В. Кучмы. Волгоград, 2012. С. 362–372 (в соавторстве: М.А. Поляковская), 11 с. / 4 с.
55. *Куш Т.В.* Узники башни Анема // IV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2012. С. 24–26.
56. *Куш Т.В.* Крымская метаморфоза Павла из Милана: опыт биографической реконструкции // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна // Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Бахчисарай, 2012. С. 38–39.
57. *Куш Т.В.* Становление studia graecorum в Италии: Мануил Хрисолора / Прошлое, настоящее и будущее итальянистики. Сборник в честь А. Д. Роловой. М., 2013. (в печати).
58. *Куш Т.В.* Узники башни Анема: о некоторых особенностях политической культуры Византии / Политическая культура Средних веков и Раннего Нового времени. Сб. статей. М., 2013. (в печати).
59. *Kushch T.V.* Die byzantinische Wissenschaft im 15. Jahrhundert in Abschätzungen der Zeitgenossen // XXe Congrès international des études byzantines. Paris, 2001. Vol. 3. P. 87.
60. *Kushch T.V.* The natural world in Late Byzantine Epistolography // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. London, 2006. Vol.3. P. 103.
61. *Kushch T.V.* The Beauty of the city in Late Byzantine Rhetoric // Byzanz – Das Römerreich im Mittelalter. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 84,1. / Hrsg. F. Daim, J. Drauschke. Mainz, 2010. T.1: Welt der Ideen, Welt der Dinge. P. 173–181.
62. *Kushch T.V.* Gifting as an Attribute of the Late Byzantine Epistolary Etiquette // Proceedings of the 22st International Congress of Byzantine Studies. Vol. 3: Abstracts of Free Communications. Sofia, 2011. P. 150.